

Происшествие — эпизод 7 из 7

Неужели только за тем, чтобы молчать и смотреть на меня?

Да, Надежда Николаевна, только за этим. Вам ведь это особого огорчения не сделает, а мне утешение в последний раз на вас посмотреть. Вы были так добры, что пришли, и в этом платье, такую, как теперь. Я этого не ждал и за это вам еще больше благодарен.

Но отчего же в последний раз, Иван Иванович?

Я ведь уезжаю.

Куда?

Далеко, Надежда Николаевна. Я вовсе сегодня не именинник. Я так это, не знаю сам почему, написал. А мне просто хотелось еще раз на вас посмотреть. Хотел я сначала пойти и ждать, когда вы выйдете, да уж как-то решился просить вас к себе. И вы были так добры, что пришли. Дай вам бог за это всего хорошего.

Мало хорошего впереди, Иван Иванович.

Да, для вас мало хорошего. Впрочем, ведь вы сами знаете лучше меня, что для вас впереди... Голос Ивана Ивановича задрожал. Мне лучше, прибавил он, потому что я уеду.

И его голос задрожал еще более.

Мне стало невыразимо жалко его. Справедливо ли все то дурное, что я чувствовала против него? За что я так грубо и резко оттолкнула его? Но теперь уже поздно сожалеть.

Я встала и начала одеваться. Иван Иванович вскочил как ужаленный.

Вы уже уходите? взволнованным голосом спросил он.

Да, надо идти...

Вам надо... Опять туда! Надежда Николаевна! Да давайте я лучше убью вас сейчас!

Он говорил это шепотом, схватив меня за руку и смотря на меня большими, растерянными глазами.

Ведь лучше? Скажите!

Да ведь вам, Иван Иванович, за это в Сибирь идти. Я вовсе не хочу этого.

В Сибирь!.. Разве я оттого не могу убить вас, что Сибири боюсь? Я не оттого...

Я не могу вас убить потому, что... да как же я убью вас? Да как же я убью тебя? задыхаясь, выговорил он. Ведь я...

И он схватил меня, поднял, как ребенка, на воздух, душа в объятиях и осыпая поцелуями мое лицо, губы, глаза, волосы. И так же внезапно, как внезапно это случилось, поставил меня на ноги и быстро заговорил:

Ну, идите, идите... Простите меня, но ведь это в первый и последний раз. Не сердитесь на меня. Идите, Надежда Николаевна.

Я не сержусь, Иван Иванович...

Идите, идите! Благодарю, что пришли.

Он выпроводил меня и тотчас же заперся на ключ. Я стала спускаться с лестницы. Сердце ныло еще больше прежнего.

Пусть он едет и забудет меня. Останусь доживать свой век. Довольно сентиментальничать. Пойду домой.

Я прибавила шага и думала уже о том, какое платье надену и куда отправлюсь на сегодняшний вечер. Вот и кончен мой роман, маленькая задержка на скользком пути! Теперь покачусь свободно, без задержек, все ниже и ниже.

Да ведь он теперь стреляется! вдруг закричало что-то у меня внутри. Я остановилась как вкопанная; в глазах у меня потемнело; по спине побежали мурашки, дыхание захватило... Да, он теперь убивает себя! Он захлопнул ящик это он револьвер рассматривал. Письмо писал... В последний раз... Бежать!

Быть может, еще успею. Господи, удержи его! Господи, оставь его мне!

Смертельный, неиспытанный ужас охватил меня. Я бежала назад как безумная, налетая на прохожих. Не помню, как я взбежала по лестнице.

Помню только глупое лицо чухонки, впустившей меня, помню длинный темный коридор со множеством дверей, помню, как я кинулась к его двери. И когда я схватилась за ее ручку, за дверью раздался выстрел. Отовсюду выскочили люди, бешено завертелись вокруг меня, вместе с коридором, дверьми, стенами... И я упала... и в моей голове тоже все завертелось и исчезло.